

ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Евгений Александрович Попов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии и конфликтологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия; e-mail: popov.eug@yandex.ru

Аннотация. Статья раскрывает смыслы социальности в современной науке. Дается оценка концептуализации социального знания, необходимости соотношения социального знания и социального мышления. Анализируются различные методологические тенденции и установки социально-гуманитарного знания. Показана необходимость рассмотрения социальных феноменов, процессов и явлений в условиях взаимодействия общества, человека и культуры. Особое внимание уделяется человекоцентризму в развитии социального знания, его структурировании. Обобщаются результаты некоторых социальных исследований на междисциплинарном уровне.

Ключевые слова: человек, общество, социальное знание, методология, гносеология, культура.

Для цитирования: Попов Е.А. Человекоцентричность современного социального знания // Актуальная культура: научный сетевой журнал. – 2023. – № 2. – С. 1-11 [электронный ресурс]. URL: <http://journal.asu.ru/cc> (дата обращения 01.07.2023).

Введение. Проблема человека всегда оставалась актуальной в социально-гуманитарном знании, продолжает оставаться таковой и в наше время. Неразрешимость этого вопроса связана с множеством различных обстоятельств – и исторических, и коммуникационных, и мировоззренческих. Для науки ценность человека как объекта самодостаточного исследования или же как объекта изучения в системе других ценностно-смысловых комплексов (и прежде всего таких как культура и общество) является непреложной. Но вместе с тем были периоды и вульгаризации человекоцентризма в научном познании, и социологизации фактов, указывающих на роль человека в процессе социокультурной динамики. Не простая ситуация относительно «положения» человека в социальном знании сохраняется и до сих пор, она безусловно связана и с позицией исследователя, и с развитием самого предмета внимания науки, и с усложнением многих процессов коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека. Каждое из этих обстоятельств вкупе с другими становится основанием для повышенного интереса наук к положению человека в мире.

Широта «проникновения» в человека свойственна, как известно, и ненаучным сферам познания реальности. Речь идет и о художественной

культуре и различных видах искусства, и о мудрствовании и т.д. Но если в этих границах мышление о человеке чаще образное и метафорическое, то научный дискурс призван сформировать объективную оценку места и роли человека в действительности. Очевидно, что перед наукой стоит нелегкая задача, и в то же время открываются совершенно новые перспективы для понимания значимости именно человекоцентристской системы мироустройства. В этом смысле изменяющееся со временем и эпохами отношение к человеку попадает в один ряд с такими явлениями, например, как переоценка ценностей, поиск национальной идеи и т.д. Между тем человек возвышается над этими инструментами науки, но теоретизирование по поводу участия человека в разнообразных процессах современности нисколько не утрачивается и более того – набирает обороты. Пожалуй, наиболее веские причины для этого существуют и в самой науке, и за ее пределами.

Теоретизирование в границах социального знания. На первом месте стоит теоретизирование относительно глобального по масштабу вопроса о сущности человека. Эта сложная проблема, однако, не привела науку к какому-либо понятному ответу на этот счет. Природа человека, разумеется, еще таит великое множество загадок, к решению которых наука даже еще и не приступала. Более предметными на этом фоне выглядят рассуждения о человеке и социальности как таковой. Конечно, здесь науке также далеко до общего знаменателя, тем не менее как раз результаты теоретического осмысления этого вопроса могут быть подкреплены эмпирической базой, а следовательно, будут иметь больший вес в науке и использоваться для проведения вторичных исследований для более полного погружения в проблему.

Было бы правильным разделять теоретизирование широкого профиля и узкого. Для каждого из этих направлений будет характерен прицельный взгляд на объект исследования, но ни в коем случае не нужно упрощать сам процесс теоретизирования, сводить его к набору клише. В любой ситуации он должен быть результативным, то есть содержать четкий вывод относительно рассматриваемой идеи или объекта реальности. В любом теоретизировании ставку всегда делают на методологические основания, позволяющие учесть важный наработанный опыт науки в той или иной области. Считается, что успех любого, так сказать, научного предприятия на половину зависит от адекватности выбранной методологии. Беда лишь в том, что, как справедливо, на наш взгляд, полагает Г.А. Аванесова, «одна из причин, затрудняющая освоение отечественной методологии общества, культуры и человека, состоит в том, что российское пространство социогуманитарного анализа поражено вирусом парадигмальной и мировоззренческой дезориентации» (Аванесова 2005: 94-95). Здесь две важные вещи обращают на себя внимание. Во-первых, необходимость поиска универсальных критериев для оценки взаимодействия общества, культуры и человека – в этом случае «освоение» методологического пространства будет более успешным, адекватным и достаточным. Во-вторых, автор отмечает вирусный характер методологических исканий, и с этим

обстоятельством трудно не согласиться хотя бы по той причине, что проблема эта поднимается всякий раз, когда речь заходит о кризисе социогуманитарного знания.

Однако теоретизирование способно «перекрыть» любой диссонанс в научных рассуждениях, если оно основывается по крайней мере на одной из базовых мировоззренческих установках эпохи. Такой пример был продемонстрирован постмодернизмом, который ознаменовал собой кризис общества, культуры и человека на рубеже XX – XXI веков, но при этом оставался едва ли не единственным устойчивым положением пограничной эпохи. Такой опыт глобального осмысления мира свойственен именно теоретизированию широкого профиля; его главной линией становится оценка явлений и процессов реальности сквозь призму некой тотальной мировоззренческой системы, такой, например, как постмодернизм. Но для времени, стремительно приближающегося к первой четверти XXI-го столетия, постмодернизм оказался потерянным направлением мысли, а ему на смену не пришло более-менее заметного и системного явления. В этих условиях ракурс социогуманитарного знания определяется теоретизированием узкого профиля, когда науки сначала устанавливают для себя приоритет междисциплинарного взаимодействия и на теоретическом уровне, и на прикладном, а затем определяют задачу укрепления собственных позиций в отыскании истины. Подобный крен наук в сторону междисциплинарного сотрудничества, с одной стороны, необходим и вполне оправдан, поскольку знание заходит в тупик и не может уже обходиться собственными внутренними ресурсами, с другой же стороны, во многом декларативен и нередко скрывает настоящую растерянность наук перед реальностью. В такой растерянности продолжают, к примеру, упрекать социологию: «Что касается прикладной социологии, то она *служит* (курсив наш. – Е.П.) достижению цели, обозначенной клиентом или заказчиком. Смысл прикладной социологии заключается в решении поставленной перед социологами конкретной задачи или легитимации, в оправдании в глазах общества уже принятых решений» (Шевченко 2014: 43). На служение государству или сервильность социологии как ее слабое место указывает и М.К. Горшков, признавая в социологическом сервильизме выполнение данной научной областью губернских, обслуживающих функций (Горшков 2011: 21). К слову сказать, если сейчас все чаще возникает именно такая тональность в оценке предназначения социологии, то еще в конце прошлого века именно с расцветом постмодернизма связывалось ощущение конца социального и вырождение социологии (см.: Иноземцев 1998). Однако ни постмодернизм, никакое иное явление реальности не могли заметно поколебать социальные устои мира или привести к утрате важнейших смыслов бытия и тем более не могли существенным образом повлиять на «статусность» социологии как науки. В этом смысле не отрицается тот факт, что «социология может и должна рассматривать сегодня человеческую индивидуальность как важнейшую социальную и личностную ценность» (Коростелева 2014: 12).

Не только претерпевают изменения функции социологии, меняется и роль философии. Это приводит к тому, что социальные и гуманитарные науки в поисках истины «терзаются» между философствованием и теоретизированием. В первом случае истина раскрывается или, как отмечал А.С. Ахиезер, «фокусируется в личности» (Ахиезер 1998: 6), а само философствование предстает как путь человека к знанию. Теоретизирование – это своего рода «приспособление» науки (коллективного разума) к постижению истины. В качестве важного инструмента приспособления выступает метод и методология. Конечно, такое противопоставление скорее условно, но все же вопрос о месте человека в науке открыт. Поэтому все отчетливее звучит идея о том, что «современная мировая наука представляет собой сложноорганизованную профессиональную деятельность миллионов исследователей» (Лебедев 2011: 36). Профессионализация науки – необходимое условие ее развития, определяющее ее инновационность. Институциональный путь науки связывается с грантовой поддержкой именно профессиональных научных коллективов; таким образом, подобный объединяющий фактор в занятиях наукой, по сути, способствует вытеснению из него индивидуалистического начала. Примерно в таком же ключе звучит утверждение И.Ю. Алексеевой, полагающей, что «философия как самосознание культуры должна быть принципиально независима от внешнего авторитета» (Алексеева 2012: 7). Такая независимость открывает дополнительные возможности для философствования. Но в начале XXI века что может занимать умы философов, да и всех других гуманитариев? Несложно заметить, что при очевидной поддержке государства своего рода «трендом» социально-гуманитарного знания и сейчас, и еще более отчетливо в последующие годы будет звучать идея о технизации мира. Инструментом науки, ее центром будет не человек – мыслитель и философ, а техника в том или ином виде. А то, что техника меняет свои очертания и начинает плавно подменять собой и культуру, и человека, и мир, не может не ускользать от пытливого взора ученого и каждого человека. Получается, что в переходный период между двумя эпохами в отсутствие какой-либо единой методологической линии развития науки, когда множество извечных, как говорят философы, «проклятых» вопросов уже не столь подогревают исследовательский интерес, внимание сосредоточивается на технике.

Поиск оснований социального знания. К спору вокруг теоретического и эмпирического, социального и гуманитарного, традиционного и инновационного добавился «технический вопрос». По мысли М.Н. Эпштейна, «техника конца XX и тем более XXI в. – это уже не орудийно-прикладная, а **фундаментальная** техника, которая, благодаря продвижению науки в микромир и макромир, в строение мозга, в законы генетики и информатики, проникает в самые основы бытия и в перспективе может менять его начальные параметры или задавать параметры иным видам бытия. Это **онтотехника** (в обоих случаях выделено автором цитаты. – *Е.П.*)» (Эпштейн 2008: 50). Действительно, техника теперь – это самодостаточный объект мира и объект

для научных исследований. Для социально-гуманитарного знания техника (или фундаментальная техника, или онтотехника) становится новой метапарадигмой. Постмодернизм, как известно, обладал предельным релятивизмом, но от этого не переставал быть актуальным для науки и существенным образом изменил традиционный взгляд на мир и человека, по этому же пути движется и наука – становится метапарадигмой новейшего времени. И дело здесь не только и не столько в необходимости «подстегнуть» научно-технический прогресс со стороны органов власти, а скорее в наметившемся методологическом вакууме, в котором оказалось современное социально-гуманитарное знание. Ничто, по-видимому, так прочно не закрепляется в науке последних десятилетий как «всепроникающие» и разящие мировоззренческие установки, сокрушающие привычные ритмы бытия и перверсирующие многие повседневные и даже сакральные смыслы бытия.

Но если не техника, то что может составить иной ракурс развития социально-гуманитарного знания сегодня? В социологии вновь актуализируется «проблема» метода; само собой разумеющаяся и всегда признававшаяся существенной строгая ориентация социологии на эмпирику в некотором роде заместила и теоретизирование, и теорию. Как полагает В.И. Добренков, «изменилась социологическая картина мира и базисные теоретические основания, на которых строится социологическое знание; изменились приоритеты и интересы социального познания...» (Добренков 2012: 21). По-видимому, значимость для социального знания сегодня имеет поиск единой методологической линии развития, и от этого зависит логика и адекватность научного поиска. Но растерянность наук перед изучаемым объектом показывает их увлеченность междисциплинарностью, итогом которой могут становиться самые разнообразные и зачастую не всегда продуктивные «союзы» научных направлений и областей. Так, например, размышления о пользе взаимодействия социологии и истории сопровождаются одним из выводов, согласно которому науки перегруппируют новые категории исследования, которые «выводились из исторических фактов, широчайшим образом использовавшихся социологией» (Джилардони 2012: 118). Действительно, междисциплинарность нередко оборачивается такой перегруппировкой категорий, в результате которой «в научный оборот» вводится новое понятие, не соотносимое с определенной научной концепцией. И если, к примеру, исследователь своей целью определяет составление социокультурного портрета российского региона, а при этом дает еще одну «двухтысячную» дефиницию культуры, полагая в ней важное значение именно в контексте своей работы, то такое положение вещей лишь засоряет научное пространство. Определения культуры, кстати, наиболее показательны в демонстрации неудач исследователей различных научных направлений – и историков, и социологов, и культурологов также. Попытки для целей своего исследования сблизить культуру в ее онтологической сущности с различными феноменами и явлениями

окружающей реальности – техникой, космосом, климатом, рельефом и т.д. – оборачиваются пассажирами «функционалистского» или инструментального плана, когда культура «подстраивается» под ту или иную ситуацию или факт действительности. Так, правоведы склонны полагать, что «высокая степень модернизации общества и права по институциональным параметрам неизменно сочетается с сохранением и культивацией традиционных стилей и элементов культуры с функциональной точки зрения» (Супатаев 2012: 10). Как видим, «культивация культуры» становится приметой эпохи; как исследователи находятся в смущении относительно дальнейшей судьбы социально-гуманитарного знания, уступающего прежде всего с подачи государства знанию естественному, так и культура приобретает статус функции различных «модернизаций», «адаптаций», «систематизаций» и т.д.

Нельзя не обратить внимание на то, что общеупотребительным термином, характеризующим состояние мира, человека в нем и во многом определяющим ракурс развития науки, становится *социальность*. «Многомерная социальность» (Кемеров 2005: 27) – примета эпохи, в которой нет четкого понимания чрезвычайной важности и необходимости изучения общества, культуры и человека не самих по себе в отдельности, а только в их взаимодействии. Отсюда, видимо, берет свое начало «эффект» междисциплинарной интеграции наук, осознавших диспропорцию в понимании такого взаимодействия, но вместе с тем следует обратить внимание на то, какое место указанным элементам «триединства» отводится в этом сотрудничестве. Полагаем, что многомерная социальность предопределяет тотальное превосходство общественных интересов и отношений. В самом собирательном образе социальности кроется некий негативизм, связанный прежде всего с превосходством потребностей общества над интересами человека. Но в таком случае как поддерживается наукой данный тезис? Во-первых, по-прежнему отсутствует единое мнение относительно дифференциации гуманитарных и социальных наук, в одних случаях используется тот или другой термин, но нередко возникают и более сложные образования – социально-гуманитарная область знания или социогуманитарные науки. Только на первый взгляд в применении этой терминологии в различных контекстах не имеется принципиальной разницы, но вместе с тем доказательность и эвристичность знания зависит во многом именно из-за точности в определении статуса науки. Во-вторых, только индивидуальные и коллективные потребности человека не могут рассматриваться в качестве основания для «специализации» научных отраслей. Однако более выраженным становится как раз социальный пафос в исследованиях общества, культуры и человека. Повседневность, обыденность, потребительство – это, пожалуй, те явления современной реальности, которые узурпировали «вкусы» наук и гуманитарных, и социальных. Духовность не может стать в один ряд с этими явлениями, проигрывая им «по востребованности». «С духовным возрождением в стране пока не очень получается... По всей видимости, духовность, как и высшая власть, – отмечает

В.Н. Шевченко, – должна носить такой объединительный и надпартийный по своему содержанию характер, который окажется способным объединить людей вокруг практического осуществления Общего Дела» (Шевченко 2013: 19). Действительно, и духовность можно при желании «приладить» для практического осуществления и сделать инструментом партийной или надпартийной борьбы. Очевидно, что расподобление духовности прежде всего явится свидетельством явного кризиса наук, от которого не уберезет и «поход» за междисциплинарностью.

Социальность важна как девиз современных наук, по сути, лишившихся на рубеже веков некоторых методологических «скреп» (например, постмодернизма), но зато склонившихся к «многонаучию», когда разные науки брались за один и тот же объект исследования, например, культуру, и при этом могли утратить свои приоритеты в изучении явлений и процессов, традиционно изучаемых данными науками. Интуитивно все области знания уловили необходимость поставить во главу угла именно культуру как «скрепу» и наук, и общества, но это прежде всего привело к тиражированию «культур» – экономической, правовой (и правоприменительной (см.: Кузьмина 2011)), бухучета, рынка, медиапространства и т.д. Ситуацию еще более запутал рост различных отраслей наук, «ответственных» за изучение указанных культур. Это лишь усилило «активный процесс создания так называемых "междисциплинарных научных направлений", или "гибридов"...» (Осипова 2012: 38). Между тем для современного социогуманитарного знания по-прежнему открытым остается вопрос относительно поиска стратегии дальнейшего развития. Очевидно, что две ведущие тенденции рубежа столетий – междисциплинарность и, по-видимому, социальность, становятся одновременно и методологическими установками, и мощным гносеологическим ресурсом наук.

Социальность – понятие обобщенное, собирательное. Но так может показаться только на первый взгляд. Очевидно, что в этом понятии сосредоточена жизнеутверждающая позиция социогуманитарных наук, их импульс к познанию мира и человека. Именно мира, поскольку замыкаться на процессах общественного порядка – это скорее узкая специализация научной области. Самый «простой» выход из этой ситуации – констатация допустимости и необходимости системного рассмотрения общества и человека, общества и культуры и т.д. Самым сложным, пожалуй, станет утверждение цельности знания, которое различает человека как объекта и субъекта познания. Еще одним девизом наук может стать поиск самоопределения личности как открытого проекта (см.: Иванченко 2005). Каждое историческое время и географическое пространство заполняют этот «открытый проект» своим содержанием, но неизменным остается поиск неких универсальных оснований для утверждения неразрывного единства общества, человека и культуры во все времена и на всех территориях. Тогда социальность может рассматриваться, во-первых, как такое состояние реальности, при котором взаимодействие общества, человека и культуры

осуществляется на основе *духовно-консолидирующих сил*, и, во-вторых, такое положение вещей в социогуманитарном знании, когда различные области наук избирают в качестве стратегии своего развития антропосоциетальный вектор. Важна в этих условиях и свобода научного творчества. Применительно к социологии, например, рабочая посылка исследователя «базируется на его свободе от социального давления, реальность и незыблемость которого он провозглашает, когда говорит о поведении других людей» (Добреньков 2013: 25). Все науки без сомнения подвержены такому социальному давлению и полностью освободиться от него вряд ли представляется возможным. Нет никакого смысла и в противопоставлении общества и человека. И социальность вовсе не обозначает такой строгой демаркации, но все же отражает такое состояние окружающей реальности, когда и социальное давление практически во всех сферах индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, и развитие социальных наук подтверждают своего рода «кризис личности». Действительно, каков путь человека в условиях общественных потрясений и сломов? Конечно, рефреном наук во все времена проходит мысль о том, что «человек – существо социальное, живущее в коллективе» (Чиркин 2012: 11), но даже в этой фразе, приведенной В.Е. Чиркиным, кроется множество недосказанностей. Так, «человек – существо социальное» предполагает, к примеру, что человек становится в один ряд с другими социальными явлениями и не выделяется из них каким-либо образом принципиально; кроме того, улавливается здесь и подтекст, противопоставляющий человека и социальный мир. «Существо социальное, живущее в коллективе» и вовсе звучит как приговор: человек лишь живет в коллективе; жизнь человека становится инструментом повседневности, не позволяющим различать его внутреннее состояние и экзистенциальные (духовные) «потребности». К слову сказать, противоречивые коннотации в подобном же ключе всегда вызывает и седьмая статья Конституции России о социальном государстве, постулируемом как такая политико-правовая организация общества, которая позволяет создать условия, обеспечивающие *достойную жизнь и свободное развитие* человека. Очевидно, что смысл обозначенных здесь курсивом категорий политизирован и скорее свидетельствует о желании государства объять необъятное, определив за самого человека, что сулит ему достойную жизнь и обеспечивает свободное развитие.

Заключение. Социальность – естественное состояние реальности в начале нового тысячелетия, поскольку в значительной степени перевоплощается мир, меняется общество и человек, конечно, происходят подвижки и в культуре, но как раз культура, меняясь, должна прежде всего сохранять свои универсальные черты (универсалии), которые обеспечивают связь поколений. Главными механизмами единения общества, человека и культуры выступают духовно-консолидирующие силы, способные обеспечить такое взаимодействие. Они основываются на культурных универсалиях и являются проверенными временем, а следовательно, не поддаются

всепроницающему воздействию различных модернизационных и трансформационных изменений, нередко наступающих с запада. Духовно-консолидирующие силы не могут исходить только от институтов государства, но связь с ними очевидна – государство избирает для себя такую политику и такую стратегию развития, когда консолидация общества оказывается едва не главной ценностью современности. С другой стороны, высшей ценностью для государства остается человек, о чем свидетельствует в «Основах конституционного строя» вторая статья российского Основного закона. Значит, духовно-консолидирующие силы сохраняют это хрупкое единство человека, общества и культуры. К примеру, в Алтайском крае такой духовно-консолидирующей силой является образ и творческое наследие В.М. Шукшина; фигура выдающего персонажа истории по сути создает условия для единения человека, общества и культуры. В одной точке смыкаются интересы государства, признающего важность сохранения духовного капитала для развития последующих поколений, чаяния людей, для которых мир Шукшина – их мир, их жизнь, и, наконец, состояние духовной культуры, открытой для человека и общества.

Некоторые исследователи могут утверждать, что «сегодня философия вошла в новую постантропологическую эпоху, для которой характерен отказ от метафизической идеи человека» (Марков 2011: 28). Если наука последует за этим ориентиром философии и окончательно зафиксирует такое положение в качестве главной для себя методологической установки, то, пожалуй, вынуждена будет перестроиться на «рубежи» социальности. Утрата самой идеи человека, конечно же, звучит как приговор для социально-гуманитарного знания, но вместе с тем открывает новые перспективы для методологических исканий наук, в которых особое место займет социальность, по-видимому, в качестве принципа научности наряду с другими важнейшими постулатами гносеологического процесса.

Список источников

Аванесова Г.А. Методология анализа культуры, общества и человека в отечественном гуманитарном познании XIX – XX вв. // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 5. С. 83-97.

Алексеева И.Ю. Научная философия как «культурная система» (О Владимире Николаевиче Ивановском и его идеях) // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 3-9.

Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 3-20.

Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4. С. 13-25.

Джилардони Г. Размышления о пользе интеграции социологии и истории // Социол. исследования. 2012. № 11. С. 116-123.

Добренъков В.И. Методологические и эпистемологические проблемы формирования теоретического знания в социологии // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 3-28.

Добренъков В.И. Ценностно ориентированная социология. Постановка проблемы // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 5-23.

Иванченко Г.В. Самоопределение личности как открытый проект // Человек. 2005. № 3. С. 5-16.

Иноземцев В.Л. Современный постмодернизм: конец социального и вырождение социологии? // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 27-37.

Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Рос. филос. общества. 2005. № 3. С. 61-78.

Коростелева О.Т. Возможности современной социологии в изучении человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2014. С. 10-13.

Кузьмина А. Содержание и функции современной правоприменительной культуры // Власть. 2011. № 4. С. 4-8.

Лебедев С.А. Современная наука: социальность и инновационность // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2011. № 1. С. 36-45.

Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 23-34.

Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 29-51.

Супатаев М.А. Цивилизационные аспекты модернизации права // Государство и право. 2012. № 3. С. 5-16.

Чиркин В.Е. К вопросу о сущности правового государства // Вопросы правоустройства. 2012. № 3. С. 9-20.

Шевченко В.Н. О перспективах реформирования российского государства: современные дискуссии в науке и за ее пределами // Философские науки. 2013. № 7. С. 5-21.

Шевченко В.Н. Публичная философия: между академической философией и идеологиями политических движений // Философские науки. 2014. № 1. С. 42-57.

Эпштейн М.Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // Философские науки. 2008. № 12. С. 34-55.

References

Avanesova, G.A. (2005) Methodology of the analysis of culture, society and man in the domestic humanitarian cognition of the XIX – XX centuries. *Socialno-gumanitarnye znaniya*. No. 5. P. 83-97.

Alekseeva, I.Yu. (2012) Scientific philosophy as a "cultural system" (About Vladimir Nikolaevich Ivanovsky and his ideas). *Voprosy filosofii*. No. 11. P. 3-9.

Akhiezer, A.S. (1998) About the peculiarities of modern philosophizing (A view from Russia). *Voprosy filosofii*. No. 2. P. 3-20.

Gorshkov, M.K. (2011) Dialogue of Russian sociology with society and government (experience of the past, prospects of the future). *Philosophical Sciences*. No. 4. P. 13-25.

Gilardoni, G. Reflections on the benefits of integrating sociology and history. *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 11. P. 116-123.

Dobrenkov, V.I. (2013) Methodological and epistemological problems of the formation of theoretical knowledge in sociology. *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. No. 2. P. 3-28.

Dobrenkov, V.I. Value-oriented sociology. Problem statement. *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. No. 4. P. 5-23.

Ivanchenko, G.V. (2005) Self-determination of personality as an open project. *CHelovek*. No. 3. P. 5-16.

Inozemtsev, V.L. (1998) Modern postmodernism: the End of the Social and the Degeneration of Sociology? *Voprosy filosofii*. No. 9. P. 27-37.

Kemerov, V.E. The changing role of social philosophy and civilizational projects. *Vestnik Ros. filos. obshchestva*. No. 3. P. 61-78.

Korosteleva, O.T. (2014) The possibilities of modern sociology in the study of man. *Sociology in the modern world: science, education, creativity. Issue 6*. P. 10-13.

Kuzmina, A. (2011) The content and functions of modern law enforcement culture. *Vlast'*. No. 4. P. 4-8.

Lebedev, S.A. (2011) Modern science: sociality and innovativeness. *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 7. Filosofiya*. No. 1. P. 36-45.

Markov, B.V. (2011) The image of a man in the post-anthropological epoch. *Voprosy filosofii*. No. 2. P. 23-34.

Osipova, N.G. (2013) Branch matrix of modern sociology: crisis of divergenc. *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. No. 2. P. 29-51.

Supataev, M.A. (2012) Civilizational aspects of modernization of law. *Gosudarstvo i pravo*. No. 3. P. 5-16.

Chirkin, V.E. (2012) On the issue of the essence of the rule of law. *Voprosy pravovedeniya*. No. 3. P. 9-20.

Shevchenko, V.N. (2013) On the prospects of reforming the Russian state: modern discussions in science and beyond. *Philosophical Sciences*. No. 7. P. 5-21.

Shevchenko, V.N. (2014) Public philosophy: between academic philosophy and ideologies of political movements. *Philosophical Sciences*. No. 1. P. 42-57.

Epstein, M.N. (2008) Constructive potential of the humanities: Can they change what they study? *Philosophical sciences*. No. 12. P. 34-55.

THE HUMAN-CENTRICITY OF MODERN SOCIAL KNOWLEDGE

Evgeny Popov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Sociology and Conflictology, Altai State University, Barnaul, Russia;
e-mail: popov.eug@yandex.ru

Abstract. The article reveals the meanings of sociality in modern science. The assessment of the conceptualization of social knowledge, the necessity of the correlation of social knowledge and social thinking is given. Various methodological trends and attitudes of socio-humanitarian knowledge are analyzed. The necessity of considering social phenomena, processes and phenomena in the conditions of interaction of society, man and culture is shown. Special attention is paid to human-centrism in the development of social knowledge, its structuring. The results of some social studies at the interdisciplinary level are summarized.

Keywords: man, society, social knowledge, methodology, epistemology, culture.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023
Принята к публикации 20.06.2023